

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОЗДАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА КРИМИНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аниськина Э.Г.,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала
Международного юридического института, доцент кафедры математики,
информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Современная цифровая эпоха характеризуется повышенным спросом на различные цифровые контенты, под которыми понимается любая распространяемая информация, выраженная в различных формах и созданная или распространяемая в цифровом формате. Цифровые контенты по своему содержанию могут носить нейтральный, общественно-полезный и деструктивный характер. Определение последнего в силу оценочного характера понятия вызывает споры, в частности, ученые предлагают следующую его дефиницию – это вредная информация, размещенная в сети Интернет, обладающая свойствами вирусного распространения и представляющая собой средство противодействия реализации общественно полезных целей и задач государственного управления, определенных в документах стратегического планирования и иных нормативных правовых актах [1, с. 180]. Таким образом, главными конститутивными признаками такой информации являются: 1) ее противодействие реализации социально-полезных целей; 2) вирусный характер (возможность создания информации любым пользователем, которая доступна для неопределённого круга лиц (публичность); трансграничность распространения; слабая модерация) [2, с. 33]. Запрос на деструктивный контент среди населения, в том числе молодежи, достаточно высок, и такой активный спрос создает рост предложений со стороны создателей и распространителей контента. По данным Роскомнадзора в РФ в 2024 году вырос объем деструктивного контента в Интернете [3]. По данным Министерства информации Республики Беларусь, за 10 лет было заблокировано 15 тысяч интернет-ресурсов [4].

Деструктивный контент сам по своему содержанию может быть многообразен: от демонстрации криминальных деяний (например, по данным прессы в одном из прямых эфиров в 2026 г. в России девушку избивали, жгли ей пятки (ст.116 УК РФ) [5], до показа контента с иными некриминальными правонарушениями или аморальными проступками (в 2023 году витебский блогер Алексей Кунис скончался в прямом эфире, где он по заданию зрителей выпил бутылку водки [6]). При этом распространение деструктивного контента может осуществляться как в прямом эфире в виде треш-стримов — под которыми понимают жанр различных трансляций,

где за деньги выполняют задания зрителей, так и в виде демонстрации отложенного (снятого заранее) материала.

В связи с изложенным встала актуальная задача провести анализ потребности криминализации описанных деяний и определить тот возможный круг действий, который требует уголовно-правового реагирования. Теорией уголовного права разработаны криминологические принципы криминализации, к ним, в частности, относятся: относительная распространенность деяния, общественная опасность, уголовно-политическое соответствие и пр. Рассмотрим вышеотмеченные критерии применительно к криминализации создания и распространения деструктивного контента и попытаемся сконструировать в порядке *De lege ferenda* уголовно-правовую норму.

Доказательства относительной распространённости явления были нами приведены выше, добавим лишь, что по данным Роскомнадзора России за все время с момента начала работы по выявлению противоправного контента был ограничен доступ к информации с более чем 4,7 млн сайтов [7]. Что же касается общественной опасности, то на этот критерий обращали внимание как ученые, так и представители государственных органов. В частности, выдвигались следующие аргументы: «деструктивный контент в виде треш-стримов посягает не только на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинства конкретных лиц, но также на общественную безопасность и общественный порядок» [8]; «пропагандируют девиантное поведение, оказывают деструктивное воздействие на несовершеннолетних лиц, что в дальнейшем сказывается на их нравственном развитии и воспитании» [9, с. 157]; «оказывает негативное влияние на неопределенный круг лиц, способствуя росту агрессии и насилия в обществе» [10, с. 263]. Таким образом, вредоносность распространения деструктивного контента не вызывает сомнений, вопрос остается в его степени и характере общественной опасности. Наконец, криминализация публичного распространения такого контента осуществляется в рамках общей уголовно-правовой политики России (см. Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, Концепцию информационной безопасности детей в Российской Федерации и пр. [2, с. 4], а также сам Федеральный закон от 08.08.2024 N 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»).

После обоснования необходимости криминализации публичного распространения деструктивного контента, в том числе в сети Интернет, возникает вопрос, каким образом следует закрепить уголовно-правовую норму. Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть, как уже существующий национальный опыт России, так и опыт зарубежных стран. Уголовное законодательство государств в части установления ответственности за исследуемые деяния условно можно разделить на три группы. Первая группа объединяет страны, законодательство которых не содержит отдельных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за создание и распространение деструктивного контента (в частности, к таким государствам следует отнести

большинство стран СНГ, за исключением Беларуси и некоторых др.). Вторая группа стран – уголовное законодательство которых содержит нормы с описанием признаков преступных деяний, находящихся в определенной взаимосвязи с распространением такого рода информации, но не само распространение. К таким нормам следует отнести ст. 198.1 УК Республики Беларусь «Распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение»; ст. 212 УК Казахстана «Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели»; ст. 381 УК Туркмении «Оказание услуг по размещению интернет-ресурсов, преследующих незаконные цели». Как мы видим, в представленных статьях уголовная ответственность установлена не для создателей и демонстраторов контента, а для лиц, предоставляющих для них интернет-ресурсы. Наконец, третья группа стран, в которых законодатели пошли по пути установления ответственности для лиц, демонстрирующих или создающих такие деструктивные контенты. Стоит отметить, что формы изложения норм и их содержание значительно отличаются друг от друга. Так, в РФ Федеральным законом от 08.08.2024 N 218-ФЗ в качестве обстоятельства, отягчающего наказания (п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ); квалифицирующего признака 9 составов преступлений против жизни, здоровья и свободы человека; а для побоев (ст. 116 УК РФ) – конструктивного признака, было предусмотрено «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Заметим, что ранее аналогичное деяние уже было точно закреплено и в других статьях УК (ст. 245 (2017 г.); ст. 258.1 (2017 г.); статья 260.1 (2023 г.). Таким образом, в России мы наблюдаем либо повышение наказуемости за публичную демонстрацию деструктивного криминального контента в рамках установленных за преступление санкций, либо точечную дифференциацию ответственности за ряд преступлений за счет квалифицирующих или конститутивных признаков. Стоит отметить, что анализ российской научной доктрины показывает, что уже сейчас ученые отмечают возможные проблемы применения таких норм. Если все систематизировать, то к ним относятся: проблемы квалификации действий лиц как соисполнителей в совершении насильственных преступлений, если они только осуществляли трансляцию этих криминальных деяний; вменение данного признака исключительно в режиме реального времени или возможность отложенной трансляции; к какому элементу и признаку состава следует отнести установленный признак; проблемы квалификации преступлений с этими признаками по совокупности со смежными составами. Также возникает вопрос, почему именно в этих преступлениях предусмотрены квалифицирующие признаки, и их нет в таких, как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, общественной безопасности.

Не менее интересен опыт стран, которые предусмотрели отдельные нормы за создание и распространение деструктивных контентов. Так, в соответствии с разделом 8 и ст. 130-1 УК Узбекистана установлена ответственность за изготовление или ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения, рекламирования, демонстрации, а равно распространение, рекламирование, демонстрация продукции, пропагандирующей культ притеснения, насилия или жестокости (материалов и предметов, не представляющих художественной, научной или культурной ценности, побуждающих к совершению насилия или жестокости), в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия. В качестве примера стран дальнего зарубежья приведем законодательство отдельных штатов США, в частности, Закон штата Луизиана RS 14:107.4 «Незаконное размещение информации о преступной деятельности с целью привлечения внимания и получения известности» [11]. Стоит отметить, что субъектом этого преступления являются исключительно главные исполнители и соучастники преступления. Именно им запрещается получать и передавать изображение, прямую трансляцию или видеозапись совершения преступления.

Таким образом, мы видим два возможных законодательных решения проблемы, при этом второй вариант – закрепления в виде отдельной нормы – представляется более удачным, это позволит привлекать к ответственности не только лицо, совершающее параллельно насильственные преступления и трансляцию их, а также лиц, выступающих соучастниками насильственных преступлений и трансляций их, но и лиц, не являющихся соучастниками отмеченных преступлений, но осуществляющих изготовление и распространение деструктивного криминального контента, а именно следует криминализировать изготовление с целью распространения, рекламирования, демонстрации, а равно распространение, рекламирование, демонстрацию информации, содержащей изображение реальных преступных действий.

Список использованных источников:

1. Шуликов, К.А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды / К.А. Шуликов // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Право. – 2023. – № 2. – С. 176-182.
2. Шуликов, К. А. Административно-правовые основы противодействия распространению деструктивного контента в сети «Интернет»: дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Шуликов Кирилл Андреевич; – Санкт-Петербург, 2024. – 238 с.
3. В Сети удалили в два раза больше деструктивного контента. – URL: <https://iz.ru/1824956/2025-01-20/v-seti-udalili-v-dva-raza-bolse-destruktivnogo-kontenta> (дата обращения: 07.04.2026).
4. Министерство информации заблокировало доступ более чем к 3150 ресурсам деструктивной направленности в 2024-м. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-2024-godumininform-zablokirovalo-dostup-k-bolee-chem-3150-resursam-destruktivnoy-napravlenosti.html> (дата обращения: 07.04.2026).

5. В Краснодаре треш-стримеры избивали девушку. Проводится проверка. – URL: <https://93.ru/text/incidents/2026/01/17/76220871/> (дата обращения: 07.04.2026).

6. За «донаты» выпил стакан водки, потом еще и еще... СК прокомментировал гибель витебского блогера в прямом эфире. – URL: <https://newgrodno.by/incidents/sk-prokomentiroval-gibel-vitebskogo-blogera-v-pryamom-efire/> (дата обращения: 07.04.2026).

7. Роскомнадзор ограничил доступ к информации с более чем 4,7 млн сайтов. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/26287579> (дата обращения: 07.04.2026).

8. Пояснительная записка «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 07.04.2026).

9. Берестовой, А. Н. Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «Интернет» / А.Н. Берестовой // Российский девиантологический журнал. – 2025. – № 5(1). – С. 147-166.

10. Левандовская, М. Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности / М.Г. Левандовская // Юридическая наука. – 2024. – № 10. – С. 263-267.

11. Louisiana Laws Revised Statutes Title 14 - Criminal Law §14:107.4. Unlawful posting of criminal activity for notoriety and publicity // Justia US Law. – URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/revised-statutes/title-14/rs-14-107-4/> (дата обращения: 07.04.2026).

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ачинович Д.М.,

*аспирант кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета*

В современных условиях качество образования и конечный результат в виде подготовленных специалистов для отраслей экономики во многом связан с кадровым потенциалом учреждений образования. Ключевая роль в подготовке квалифицированных кадров принадлежит высшим учебным заведениям и их основному персоналу – профессорско-преподавательскому составу (далее – ППС). Именно к этой категории педагогических работников предъявляются дополнительные требования в соответствии с квалификационными справочниками, и именно на нее обращено повышенное внимание со стороны руководства страны, государственных органов, научного и экспертного сообществ. Кадровый дефицит и расширение практик дополнительной педагогической деятельности порождают задачи административно-правового упорядочения функционирования учреждений высшего образования (далее – УВО), распределения